

После смерти начинается история

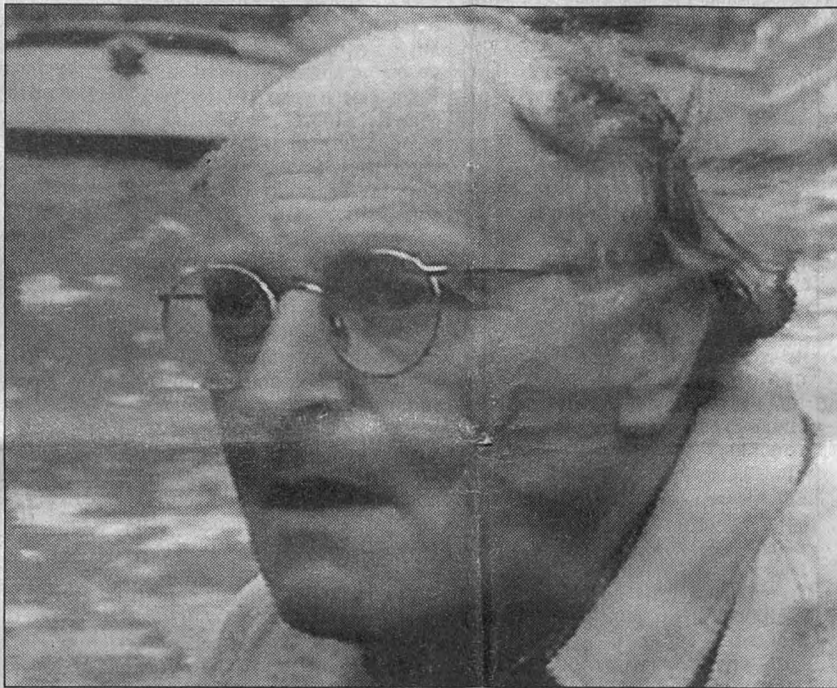
Ночь провели с вестью. Утром смогли говорить. О закатившемся солнце. О литературе, потерявшей живого классика. Об уходе последнего великого поэта века.

Смерть поэта — как и его стихи — как будто требует от нас комментариев, на самом деле в них не нуждаясь. Не находя своих слов, просим помощи у поэта. Раскрыли книгу: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я». Захлопнули — и снова разломали том, в надежде понять что-то уже о себе в это утро. Ткнули пальцем — выпала реплика из пьесы «Мрамор»: «Не поэт — так хоть в истории поучаствовать!» Смущались: ты нас тоже пойми — ведь должны мы найти слово! В третий раз был ответ: «Ладно, чего там...». И ремарка: «Над мусоропроводом загорается лампочка»...

Так выворачивается наизнанку библейское «И последние станут первыми»: нами возведенный в ранг первых, он в числе последних занесен смертью в мартиролог века.

Век Бродского, вот уж почти насквозь распахнутый взгляду, — черная сырая шахта, куда упало столько, сколько, быть может, за всю предыдущую историю, — этот век наизнанку вывернул слишком многие и самые важные слова. Не оттого ли весть: «Умер Бродский» звучит как стихи, ударяет в сердце сильнее, чем привычное «имеются жертвы». Ценой смерти поэт возвращает нас к тому, что погребено на дне вековой шахты, под слоем грязи и мусора.

«Поэт, — как однажды написал Бродский, — это тот, для кого всякое слово не конец, а начало мысли; кто, произнеся «рай» или «тот свет», мысленно должен сделать следующий шаг и подобрать рифму. Так возникают «рай» и «отсвет», и так продлевается существование тех, чья жизнь прекратилась».

Нобелевское выступление Иосифа Бродского

Нобелевская лекция Бродского напечатана и прочитана. Эта речь, опубликованная в сборнике эссе Бродского «О горе и разуме» (On Grief and Reason, 1995), специально для «ОГ» переведена Еленой Касаткиной.

Уважаемые члены Шведской Академии, Ваши Величества, леги и джентльмены, я родился и вырос на другом берегу Балтики, практически на ее противоположной серой шестелестящей стороне. Иногда в ясные дни, особенно осенью, стоя на пляже где-нибудь в Келломяки, мой приятель указывал пальцем к северо-западу по листу воды и говорил: «Видишь голубую полосу земли? Это Швеция».

Конечно, он шутил: поскольку угол был не тот, поскольку по законам оптики человеческий глаз может охватить в открытом пространстве только двадцать миль. Пространство, однако, открытым не было.

Тем не менее мне приятно думать, леги и джентльмены, что мы дышали одним воздухом, ели одну и ту же рыбу, моли под одним — временами радиоактивным — дождем, плавали в одном море, и нам прискучивала одна хвоя. В зависимости от ветра, облака, которые я видел в окне, уже видели вы, и наоборот. Мне приятно думать, что у нас было что-то общее до того, как мы сошлись в этом зале.

А что касается этого зала, я думаю, всего несколько часов назад он пустовал и вновь опустеет несколько часов спустя.

Наше присутствие в нем, мое в особенности, совершенно случайно, с точки зрения стен. Вообще, с точки зрения пространства, любое присутствие в нем случайно, если оно не обладает неизменной — и как правило неодолеваемой — особенностью пейзажа: скажем, морены, вершины холма, излучины реки. Именно появление чего-то или кого-то непредсказуемого внутри пространства, вполне привычного к своему содержанию, создает ощущение события.

Поэтому выражая вам благодарность за решение присудить мне Нобелевскую премию по литературе, я, в сущности, благодарю вас за признание в моей работе черт неизменности, побланных ледниковым обломком, скажем, в обширном пейзаже литературы.

Я полностью сознаю, что это сравнение может показаться опасным из-за тающихся в нем холода, бесплодности, длительной или быстрой эрозии. Но если эти обломки содержат хоть одну жилу одушевленной руды — на что я нескромно надеюсь — то, возможно, сравнение это достаточно острожно.

И коль скоро речь зашла об осторожности, я хотел бы добавить, что в обзорном прошлом поэтическая аудитория редко насчитывала больше 1 процента населения. Вот почему поэты античности или Возрождения тяготели ко дворам, центрам

власти; вот почему в наши дни поэты скучиваются в университетах, центрах знания. Ваша академия представляется помещью обоим; и если в будущем — где нас не будет — это процентное соотношение сохранится, в немалой степени это произойдет благодаря вашим усилиям. В случае, если такое видение будущего кажется вам мрачным, я надеюсь, что мысль о демографическом взрыве вас несколько приободрит. Даже четверть от этого процента означала бы армию читателей, даже сегодня.

Так что моя благодарность вам, леги и джентльмены, не вполне эгоистична. Я благодарен вам за тех, кого ваши решения побуждают и будут побуждать читать стихи, сегодня и завтра. Я не так уверен, что человек восторгается, как однажды сказал мой великий американский соотечественник, стоя, как я полагаю, в этом самом зале; но я совершенно уверен, что над человеком, читающим стихи, труднее восторгаться, чем над тем, кто их не читает.

Конечно, это чертовски околный путь из Санкт-Петербурга в Стокгольм; но для человека моей профессии представление, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками, давно утратило свою привлекательность. Поэтому мне приятно узнать, что в географии тоже есть своя справедливость.

Спасибо.

1987

Речи дар в глухонемой вселенной

Перед вами монологи Иосифа Бродского из фильма «Прогулки с Бродским», снятого Е. Якович, Е. Рейном и А. Шишовым. Его намерения покажут еще раз в эти траурные дни. Но там красота Венеции, стихи, разговорная интонация несколько отяжелеют от сути произносимого поэтом. Сослагательное наклонение, подчеркнутая некатегоричность могут внушить впечатление стилистичности и некоторой необязательности высказываний. Впечатление обманчивое. Я поддался ему, когда в 1991 году первой из жаждавших интервьюировать поэта пошла в его квартиру на Мортон-стрит. Мы проговорили часа четыре, и, немного отойдя от сокрушительного впечатления, я с отрезывающей тоской подумала о тесноте газетной полосы (тогда работала в «Независимой газете»). Но Бродский не сдержался и не выказывал свою речь, не боялся слов-паразитов

и излюбленных выражений, и я надеялась, что, сняв строгие тельные леса его мысли, смогу без напряжения разместить текст. И ошиблась. При расшифровке кассеты оказалось, что каждое слово стоит на своем единственном месте и мысль ни разу не уходит от предмета безвозвратно.

Даже если речь шла о марксизме. Звучит неожиданно, но и о нем безбоязненно говорил настолько продуманными словами, что было очевидно: для него нет недостатков тем. Он не был бюрократически зашорен, не выступал ни от чужого имени, не убеждал и не приговаривал. Он размышлял. Благодаря ему я теперь знаю, что такое настоящая беседа. Вопрос вставил оболочку, и в узкое зеркало конкретной проблемы устремлялась вся машина обдуманных и сию минуту подоспевших мыслей. История, география, поэзия и т.д., и т.д., переплетаясь,

работали на уяснение. Отсюда впечатление ошеломляющей мощи, разносторонности, изысканности высказываний. При этом никакой поэмы мыслителя — доброжелательная естественность.

Так же естествен он был на улочках любимого Гринвич Виллиджа, стараясь показать все самое интересное: в школьной лавке, владелице которой расцеловал при его появлении («шоколад люблю больше родины»); в исторической пивной («за тем столиком сидел великий Дилан Томас»); вспоминая свои романы («город становится своим, если ты пережил там любовь»).

Слушавшие Бродского вряд ли утешатся тем, что после смерти поэта остаются его книги...

Ольга ТИМОФЕЕВА

Мне было 16 лет. Я работал на заводе «Арсенал», и у нас был митинг в поддержку Египта. Лескор что-то такое говорил, что мы должны помочь Египту, бороться с капитализмом и т.д., и т.д. и поэтому должны выйти на субботник. Встал человек (это был 56-й год), слесарь в моем цеху, он, видимо, уже был пьян к тому моменту и сказал: а какая мне разница, капиталист мой хозяин или коммунист — один дьявол, мне придется вставать в семь утра. И вот это надо помнить при всех этих разговорах о новом обществе и о всех западных моделях.

Я прошу прощения, что цитирую свое собственное письмо к кому-то, но там есть довольно точная формула. Она сводится примерно к тому, что война окончена, а мы победили, но я себя не чувствую среди победителей. Мне не нравятся ни победенные, ни победители. В общем, я себя чувствую более-менее лесным братом, с примесью античности и литературы абсурда, вот что такое моя «кошачья милость». При всех этих самых нобелевках и ненабелевках, при том, что происходит в России, при том, что происходит в мире, ты чувствуешь себя в сильной степени на отшибе.

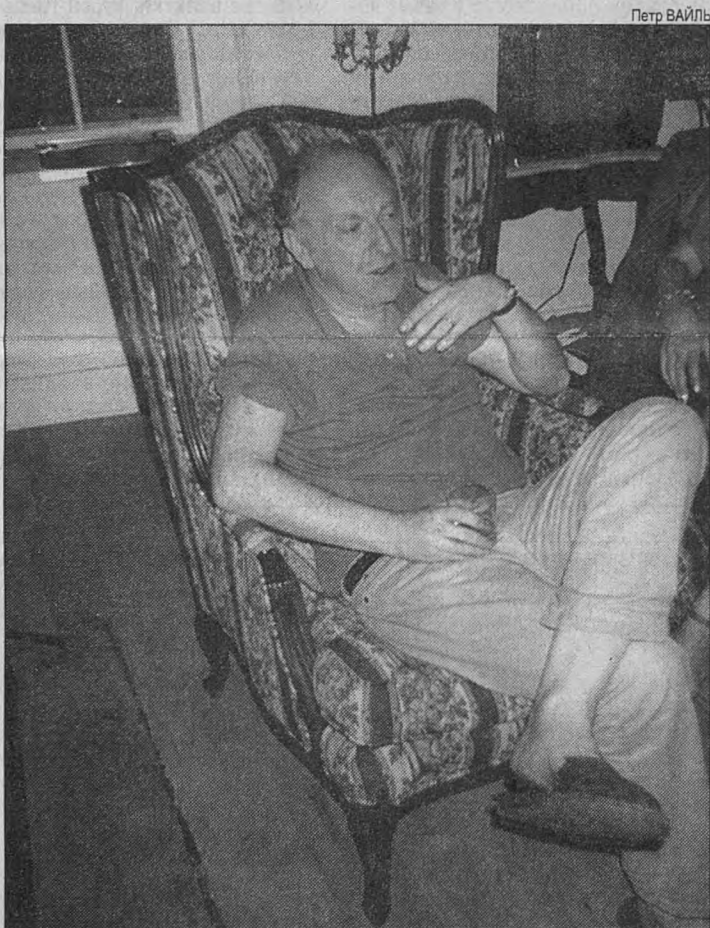
В 1964 году я попал за решет-

элемент. Ну и просто простые люди. Напротив меня — крестьянин, — как их рисовал Крамской, руки с венами, длинная борода... Я разговаривал с ним, спросил, за что же он там находится. Оказалось, украл мешок с удобрениями в совхозе, получил десять лет. Ему в тот момент было, наверное, лет 65, если не больше. И я понял одну вещь: что он никогда из этой системы не выйдет. Вот здесь и умрет, то есть никогда не выйдет, то есть персы, сылах, то ли в другом лагере. Никакая «Amnesty international», никакая Союз советских писателей, даже мои друзья, не будут знать его имени и никогда его нигде никак не вспомнят. Я понял, если я что-то понял, что в общем все то, чем я занимаюсь, это замечательно, и я хороший человек, и каким-то образом мне это да поможет — кто-то будет за меня хлопотать. А за этого человека никто хлопотать не будет. Вот вам разница между культурой и жизнью нации. И это чудовище.

И еще был один важный момент, когда я жил на севере, в совхозе. Довольно скверное место, и мне сильно не нравилось, но вот что я запомнил. В шесть утра, скверная погода, зима, холодно — или осень (что еще хуже), и ты выходишь из дома в этих самых сапогах, в ватнике, идешь в сельсовет получать наряд на весь день. Идешь через поле, по колосу в этом самом... солнце встает или еще не встало, но ты знаешь, что в этот час, в эту минуту, примерно 40 процентов населения державы движется таким же образом. И я не хочу сказать, что это тебя наполняет, скажем, каким-то чувством единства — это зависит от индивида, наполняет или не наполняет. Но мне это ощущение в конце концов стало, было и до сих пор дорого. И поэтому то, что я говорю, продиктовано не высокопарностью и отстраненностью, а таким чувством. Мы должны на каждого человека обращать внимание, потому что мы все в совершенно чудовищной ситуации — где бы мы ни находились. Уже хотя бы потому в чудовищной ситуации, что знаем, чем все это кончается — смертью. Меня совершенно поражает на сегодняшний день в возлюбленном отечестве, что люди, то есть значительные количества людей, ведут себя так, будто они ничему не научились. Как будто им никто никогда не говорил, что надо понимать и любить всех, по крайней мере, порядком выше всех и вся. В купе, которое на четверых, было 16 человек — туда заталкивали прикладами... Нормально. Там были люди самых разных сословий, главным образом, уголовный

НЕ ЖАЛКО моей молодости. Но этого громоздкого сооружения, которое называлось Советский Союз, а до этого Российской Империей, мне не особенно жалко. Я думаю, что то, что объединяет людей, это не политические и административные системы, а системы лингвистические, и русский язык как был имперским средством объединения, так им и останется. Русский язык на протяжении двух или трех столетий играл в известной степени ту же роль, которую, скажем, сыграл когда-то греческий язык и которую играет английский язык на сегодняшний день. Британская империя распалась, но английский язык, что называется, шествует по всему миру — даже я на нем говорю. То есть если угодно, то у меня действительно двойное имперское мироощущение. Основанное на английском и на русском или на русском и на английском. Меня можно назвать двуглавым орлом.

Есть определенное преимущество в том, что я могу смотреть на жизнь отечества с определенной долей трезвости. Мое сознание не очень замутнено. Мне кажется, что основная трагедия политической и общественной жизни заключается в колоссальном неуважении человека к человеку. Это обосновано в известной степени теми десятилетиями, если не столетиями, всеобщего унижения, когда на другого человека смотришь как на вполне заменимую и случайную вещь. Он может быть тебе дорог, но, в конце концов, у тебя глубоко внутри запрятано ощущение — да кто он такой, да кто ты такой... И одним из выражений вот этого неуважения друг к другу являются шуточки и ирония, касающиеся общественного устройства общества. Самым чудовищным последствием тоталитарной системы является именно полный цинизм, или, если угодно, нигилизм общественного сознания. И, разумеется, это чрезвычайно, как бы сказать, удовлетворительная вещь. Приятно пошутить, посканить зубы и т.д., и т.д. Все это мне очень сильно не нравится. Набокову однажды приехавший из России рассказал анекдот. Он смеялся, смеялся, смеялся. Говорит: замечательный анекдот, замечательные шуточки, но все это мне напоминает шуточки дворовых или рабов, которые издеваются над хозяином, в то время как стоило нечищенное. Сегодня, я думаю, было бы разумно попытаться изменить общественный климат. В течение этого столетия русскому человеку выпало как ни одному другому народу, ну, может быть, китайцам досталось больше. Мы увидели абсо-

В квартире на Мортон-стрит. 1991 г.

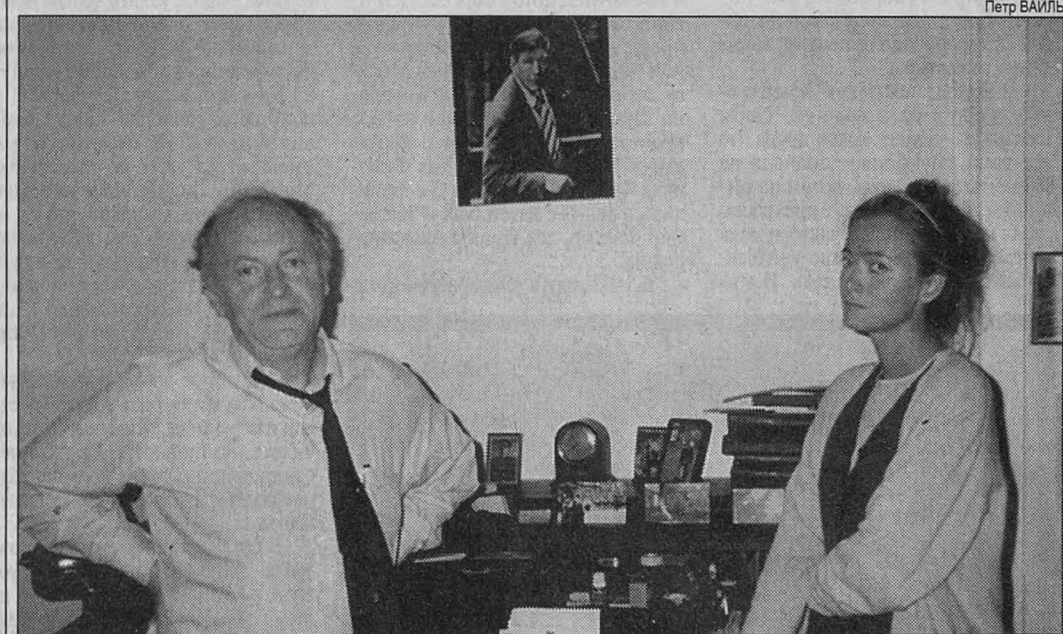

Венеция. 1994 г.

лучается, что самый главный человек в обществе — человек более-менее остроумный и издевающийся. И это мне колоссально не нравится. Библия права, говоря, что ты в поте лица будешь зарабатывать хлеб свой. Никакая система, ни капиталистическая, ни социалистическая, ни коммунистическая, не избавляет человека от этого.

ку в третий, по-моему, раз, и меня повезли на север на пять лет. Я к тому времени уже писал стихи и чувствовал себя как бы лучше всех и вся, по крайней мере, порядком выше всех и вся. В купе, которое на четверых, было 16 человек — туда заталкивали прикладами... Нормально. Там были люди самых разных сословий, главным образом, уголовный

Любил не многих, но очень сильно

С женой Марией. 1993 г.

Сильвана ДАВИДОВИЧ

Я познакомилась с Бродским, когда он только что вернулся из ссылки, — в 1965 году, в Ленинграде. Тогда я о нем, конечно, ничего не слышала. Я подарила ему папиросы «Жиган», корбочку, на которой изображена женщина, гитана. Он потом напомнил мне об этом, когда мы встретились в Италии, уже после его изгнания. В 1972 году Бродский приехал через Вену в Рим, хотел устроиться жить в Англию, но не получилось, и он оказался в Америке. Как сам он писал: все потеряв, он должен был начать новую жизнь, в которой мог бы творить.

Потом он часто приезжал в Италию, которую любил, которая была ему нужна как поэту. Однажды он показал мне в Риме странное место среди античных руин: остаток портика и мраморная плита, сложенная из разных кусков, разного времени. Как его поэзия, созданная из кусков метафор, сохраняющих вечное определение эпохи. И Рим ему в этом помогал.

Обычно мы встречались там втроем: с нами был еще его друг, известный переводчик Джанни Буттафава. Они оба очень любили хорошо поесть, а после обеда мы гуляли. Просто ходили по городу, иногда до ночи. Бродский читал свои стихи, стихи Одена, Ахматовой. Его рассказы тоже были полны метафор, за ним было довольно трудно следить, как будто ты бежишь за ним по рытвинам и ухабам, как будто все понимаешь, ах, как хорошо! — и вдруг раз — все опять исчезает. То же тон его голоса — то выше, то ниже, говорит быстро, глотает слова, переспросить неудобно, уже даже не поминишь, о чем он говорит.

Когда он читал стихи, даже человек, не понимающий по-русски, испытывал ясное ощущение, что присутствует при некоем священнодействии. Голос пробирал тебя до самой глубины, ты получаешь необычный эмоциональный толчок. Несмотря на то, что я переводила некоторые его стихи на итальянский, многие из них я понимала с десятого, с двадцатого прочтения. В стихах, посвященных памяти Джанни, он сравнивает кольца Сатурна с головными кольцами дерева. Потом только

до меня дошло, что он рассчитал год, когда они впервые встретились.

Долгое время единение было единственным состоянием, в котором он мог жить и творить. Он много путешествовал, много общался, но жил как бы в абсолютном одиночестве. Потом Джанни умер, и, я думаю, он тогда потерял действительно самого близкого друга. Мне пришлось сообщить ему об этой смерти, когда он был в Швеции. Бродский ничего тогда не сказал. А через месяц позвонил и сообщил, что женился, что не может жить без этого чувства дружбы, любви.

Помню, он говорил, что если родится девочка, это будет с его стороны нехороший поступок. Я спросила: почему? «Ну, в моем возрасте... и потом ты знаешь, как я себя веду». Но на самом деле для него было очень важно, что у него появилась своя семья. Ситуация, от которой он всегда интеллектуально отталкивался, но в которой на самом деле нуждался. И еще важно, что родилась именно девочка. Он хотел пролить жизнь имени своей матери, о которой всегда очень трогательно писал.

Рим

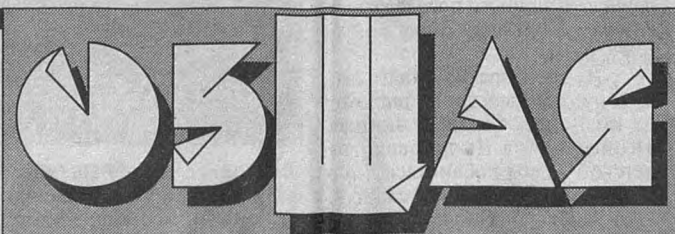
Главный редактор номера
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ

Ответственные секретари
Юрий ПАТРИН,
Евгений СЕМЕНОВ

Логотип:
Семен ЛЕВИН,
Борис МИРОШИН

Дизайн-макет:
Аркадий ТРОЯНКА

Художественный редактор
Владимир БАБИЧ
Технический редактор
Дмитрий ТУМАНОВ
Зав. корректуры
Светлана КАРТАШЕВА

Г А З Е Т А

Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения
Людмила ЛИР
Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы
Галина ИЛЬЧЕНКО
Тел.: 915-70-40, 915-26-19.
Факс: 915-26-06

Производственно-издательский отдел
Ирина СОВКОВА
Тел.: 915-75-81

Цена свободная

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляют Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 31.1.96 г. Заказ 10483. Тираж 100000 экз.